

ПОЧЕМУ ГЕНРИХ — НЕ ГЕНРИХ, А ЛЮДОВИК — НЕ ЛЮДОВИК?

Вадим УСТИНОВ, историк.

На всём протяжении существования истории как науки фундаментальным дискуссионным вопросам неизменно сопутствуют проблемы, кажущиеся на первый взгляд малосущественными. Однако они, если присмотреться внимательнее, не только вносят определённый диссонанс в научную гармонию, но и вызывают подчас нешуточное раздражение именно своей бестолковостью и неупорядоченностью. Одной из таких «мелочей» приходится признать проблему перевода или огласовки иностранных имён собственных.

Впервые я затронул этот вопрос десятилетиями назад в своей книге «Столетняя война и Войны Роз». Тогда сама моя попытка найти какое-то приемлемое решение вызвала в среде людей, так или иначе причастных к истории, откровенное неприятие — как если бы я покусился на святое. Реакция оппонентов по этому поводу создавала впечатление, что моё предложение называть английского короля Джеймсом, а

не Яковом и французского — Луи, а не Людовиком грозило потрясением самих основ русской культуры.

Явные несуразности, естественным образом накопившиеся в нашем языке, почему-то никого не беспокоили и не беспокоят ни в Министерстве образования и науки РФ, ни в профильных Институтах русского языка, которых в нашей стране как минимум два, ни в Институте лингвистических исследований. Видимо, там считают, что не просто допустимо, но совершенно правильно и аподиктично именовать великого шотландского писателя сэром Вальтером Скоттом, будто бы он вовсе и не баронет Соединённого королевства, а какой-то прусский юнкер. И ведь точно такое же имя его отца, эдинбургского юриста Скотта-старшего, передаётся вполне адекватно тому, как оно произносится на шотландском английском языке — Уолтер. Или такой пример. В отечественной литературе Букингемский дворец и Букингемский университет мирно сосуществуют с городом Бакингом и графством Бакингомшир, а также с титулом герцога Бекингема, в особо «запущенных» случаях — Бэкингема (почему бы тогда не Букингама, как он прозывался в переводе 1900 года¹). Не нужно объяснять, что во всех пяти словах основа абсолютно тождественна.

Подобных казусов в современном русском языке множество. Город Кингстон-апон-Халл мы частенько именуем Гуллем, хотя настоящий Гул находится от него в

Иллюстрация: Wikimedia Commons/PD

Анри (Генрих) IV Наваррский (фр. Henri IV, Henri Le Grand, Henri de Navarre, 1553—1610), король Наварры с 1572 года, король Франции с 1589 года, основатель французской королевской династии Бурбонов. Портрет кисти фламандского художника Франса Пурбуса Младшего. Версаль, Франция.

¹ Дюма А. Три мушкетёра. — М.: Типография И. Д. Сытина, 1900.

40 километрах выше по течению реки Уз, расположенной в Йоркшире. Хорошо известный всем нам с детства Гекльберри Финн обязан своим зубодробительным прозвищем исключительно переводчику, поскольку в оригинале он *Huckleberry*, что на английском языке означает либо «черника», либо «незначительный человек», либо «нужный для конкретной работы исполнитель». И то, и другое, и третье так или иначе укладываются в канву повести Марка Твена — в отличие от несуразного Гекльберри.

Что уж говорить о менее очевидных (от себя добавлю — и о менее вредных) примерах, когда английское имя Хенри превращается у нас в Генри, немецкие Хайнрих и Йохан — в Генриха и Иоганна. Хестингс трансформировался в Гастингса, Хознштауфены — в Гогенштауфенов, Хайне — в Гейне. Рома стала Римом, Пари — Парижем, Хадсон — Гудзоном.

Однако же говорить обо всех проблемах разом — значит уподобиться Моржу из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла:

*И молвил Морж: «Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и суфгуче,
Капусте, королях,
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях»².*

Хитрый Морж собирался поведать доверчивым устрицам множество всякой всячины, однако самым наглым образом обманул их. Я не буду пытаться следовать его примеру и ограничусь из всего длинного списка Моржа только королями. Точнее, исключительно узким аспектом проблемы, который, на мой взгляд, действительно важен, — передачей в русскоязычной литературе королевских имён. Справедливости ради надо заметить, что с момента, когда я впервые поднял эту тему, кое-что с мёртвой точки сдвинулось, но говорить о каких-то значимых переменах до сих пор не приходится.

Как бы то ни было, проделанный выше краткий экскурс в область чудес, которые творятся с иностранными именами, необходим хотя бы для того, чтобы очертить те рамки, в коих проблема будет рассматри-

ваться далее. Ибо предметом разговора станет не та причудливая форма, которую они вообще приобрели в процессе русификации, а лишь последствия принудительной унификации, лишаящей имя собственное важнейшей функции идентификации, в том числе национального маркера. По этой же причине, кстати, за границами обсуждения останутся как имена, читающиеся на всех языках более или менее одинаково (например, Филипп), так и самобытные, присущие в основном лишь одному языку (скажем, Эдуард). Хотя не унифицированное имя Матвей применительно к императору Священной Римской империи вместо Матиаса всё равно звучит до крайности дико.

Итак, ближе к делу — к именам европейских королей, членов их семей и владетельных князей, в число которых помимо собственно князей входят также герцоги, штатгальтеры и пр. Традиционно представители высшей знати именуются

Иллюстрация: Wikimedia Commons/PD

Луи (Людовик) XIV де Бурбон, вошедший в историю как «король-солнце» (фр. Louis XIV Le Roi Soleil, Louis le Grand, 1638—1715), король Франции и Наварры с 1643 года. Портрет приписывается художнику Пьеру Миньяру. Замок Блуа, Франция.

²Перевод Д. Г. Орловской.

в литературе на русском языке — нас в первую очередь, естественно, интересует литература научная, а не художественная — Генрихами, Иоаннами, Людовиками и т. д. Это происходит вне зависимости от того, какой страной им выпало счастье править, из какой династии выйти и на каком языке разговаривать.

Считается (и мало кем оспаривается), что сия традиция имела своим началом знаменитый 86-томный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, который издавался в Российской империи с 1890 по 1907 год на базе немецкого словаря «Konversations-Lexikon», вследствие чего во многом был проникнут суровым тевтонским духом. Действительно, эта первая русскоязычная универсальная энциклопедия сделала чрезвычайно много для укоренения в умах именно такой нормы. Но при более пристальном рассмотрении становится ясно, что всё не так просто и корни проблемы лежат несколько глубже во времени.

Наших далёких предков дела европейских правителей волновали не сильно, если речь не шла о ближайших соседях — польских и литовских князьях. Так, Лаврентьевская летопись упоминает разве что Хенрика Сандомирского, брата короля Болеслава IV: «*И тое зимы приде к нему Болеслав и Ендрих брат его в помощь Оугрская*»³. Не идёт дальше в географическом отношении и Ипатьевская летопись, именующая, правда, польских правителей Индрихами⁴. Московский летописный свод конца XV века их же называет Андрихами⁵.

В значительно большем объёме интересующие нас имена владетельных государей предстают в западнорусской редакции «Русского хронографа» второй половины XVI века — заметим, ещё до петровских экспериментов с онемечиванием. В ней летописец обильно использовал выписки из «Хроники всего мира» польского историка Марцина Бельского. В этой редакции Карл Валуа и Лудвиг Французский мирно соседствуют с Генриком Люксембургским и его сыном Яном⁶, что свидетельствует пока только лишь о тенденции к унификации имён на базе немецкого языка, но никак не о сложившейся практике.

Честь стать первым в России реальным унификатором выпала историку В. Н. Татищеву. На страницах его капитального труда — «Истории Российской...», увидев-

шей свет в середине XVIII века, появляются Генрик I король Французский, император Генрик IV, Генрик Сандомирский⁷. Однако, учитывая сфокусированность Татищева на отечественной истории, упоминания о государях прочих земель у него также ещё весьма редки и фрагментарны.

Огласовка имён европейских королей получила фундаментальное оформление в работах первого русского историка-медиевиста Тимофея Николаевича Грановского — выдающегося учёного и педагога, посвятившего себя именно западноевропейской истории. Образование он получил в московском частном пансионе выходца из Брауншвейга доктора Кистера, затем окончил Петербургский университет, а завершил обучение в Берлинском университете. Грановский был либералом-западником и убеждённым противником всяческого славянофильства. Германское воспитание Тимофея Николаевича недвусмысленно отразилось в его интерпретации королевских имён, с которыми ему, как медиевисту, приходилось сталкиваться буквально на каждом шагу.

Читая лекции в Московском университете в 1849—1850 годах, Грановский неукоснительно называл немецких королей и императоров Священной Римской империи Генрихами, английских правителей Генрихами, Иоаннами, Карлами, Вильгельмами, французских монархов — Генрихами, Иоаннами, Карлами, Людвигами и Францами. Студенты внимали рассказам о деяниях португальских королей Генриха I, Иоанна III и Эммануила Счастливого, а также Фердинанда Католика Арагонского и Фердинанда I Неаполитанского⁸. Профессора совершенно не волновало, что Иоанн в Германии — Иоганн, в Англии — Джон, во Франции — Жан, в Испании — Хуан, а в Португалии — Жуан.

В последнем десятилетии XIX века вышла работа Николая Ивановича Кареева

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. — Л., 1927. Л. 107 об.

⁴ ПСРЛ. Т. II. — СПб, 1908. Л. 140, л. 306 об.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. — Л., 1949. Л. 55 об.

⁶ ПСРЛ. Т. XXII. — Петроград, 1914. Л. 288 об., л. 292., л. 292 об.

⁷ Татищев В. Н. История с самых древнейших времён. — М., 1995. Т. 4. С. 103, 422, 437.

⁸ Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. — М.: Наука, 1986. С. 244, 28, 27, 234, 63, 18, 11, 10, 82, 184, 36, 26, 40.

«История Западной Европы в Новое время», в которой прозвучал заключительный аккорд. При сохранении достигнутых ранее именных трансформаций Людвига, не исключая Людвига Баварского, превратились в Людовиков, а Францы — во Францисков⁹. Таким образом, именно тогда и произошёл переход от выраженной немецкой традиции перевода к более мягкой латинизированной, распространённой поныне.

В таком виде деперсонификацию монархов окончательно утвердил Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Под единым именем Вильгельм были обозначены императоры германские, короли английские и сицилийские, штатгальтеры голландские, герцоги нормандские. Невнятные Людовики стёрли различия между французскими, португальскими и даже германскими правителями. В глазах зарыбило от Генрихов германских, английских, французских, кастильских; от Францисков сицилийских, бретонских, моденских, австрийских и французских. Вносили свой неограниченный вклад в путаницу Иоанны из 16-ти и Карлы из 12-ти различных стран¹⁰.

Казалось бы, система худо-бедно сложилась и принцип латинизации имён, пусть кособокий и ущербный, восторжествовал. Но внутренней стройности эта система, к сожалению, так и не обрела, хотя авторы и редакторы словаря изо всех сил старались втиснуть многообразие европейских языков в прокрустово ложе натужной унификации. К примеру, далеко не всех королей Пиренейского полуострова удалось пинками загнать в общее стадо. По непонятным причинам властители Арагона, равно как и Португалии, носившие имя Педро, его сохранили в неприкосновенности¹¹ и не были перекрещены ни в германизированных Петеров, ни в латинизированных Петров.

Ещё хуже обстояло дело у составителей словаря Брокгауза и Ефрона с членами

Иллюстрация: Wikimedia Commons/PD

Генри (Генрих) IV Болингброк (англ. Henry IV Bolingbroke, 1366/1367—1413), король Англии с 1399 года. Портрет кисти неизвестного художника. Национальная портретная галерея, Лондон.

королевских семей. Среди сонма разнокалиберных Иоаннов и Карлов вдруг неожиданным образом всплыли дон Хуан Австрийский, единокровный брат короля Филиппа II Испанского, а также дон Карлос¹², старший сын того же монарха. Ярким показателем неполноценности трудолюбиво выпестованной системы послужил дом Бурбонов. Так, герцог Вандом и граф де ла Марш получили «истинно французские» имена Антона и Якова, в то время как коннетабль из того же семейства почему-то остался «противоестественным» Шарлем¹³.

Ладно «Брокгауз и Ефрон» — это дела давно минувших дней. Да, в нём есть кое-какие ошибки, но для своего времени он был весьма прогрессивным. Перейдём к советскому времени, когда учёные уже были вооружены и современной методологией, и фундаментальными знаниями, чтобы придать целостность неполноценной системе. Однако мы видим, что картина не изменилась. Доктор исторических наук Валентина Владимировна Штокмар в 1970-х

⁹ Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. — СПб, 1892. Т. 1. С. 71, 131, 74.

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 6. — СПб, 1892. С. 352—366; Т. 18. — СПб, 1896. С. 222—240; Т. 8. — СПб, 1892. С. 345—357; Т. 36А. — СПб, 1902. С. 529—535; Т. 13А. — СПб, 1894. С. 703—711; Т. 14А. — СПб, 1895. С. 526—547.

¹¹ Там же, т. 23. — СПб, 1898. С. 87—90.

¹² Там же, т. 37А. — СПб, 1908. С. 757—759; Т. 35А. — СПб, 1902. С. 771.

¹³ Там же, т. 4А. — СПб, 1891. С. 10, 9.

Педро (Петр) II Католик (исп. Pedro II el Católico, кат. Pere el Catòlic, 1178—1213), король Арагона с 1196 года. Портрет работы Мануэля Агирре-и-Монсалбе, 1850-е годы. Собрание Provincial Deputation of Zaragoza.

годах писала: «Ричард II изгнал из Англии Генриха Болингброка, сына умершего Джона Гонта»¹⁴. От крупнейшего отечественного специалиста по истории средневековой Англии можно было ожидать, что она станет именовать отца и сына в одном стиле — либо на английский манер, либо уж на латинизированном суржики.

У столь же заслуженного медиевиста доктора исторических наук Е. В. Гутновой читаем: «При королях Джоне и Генрихе III широкое применение наёмных отрядов в сражениях и для гарнизонной службы становится обычным явлением»¹⁵. Евгения Владимировна, естественно, имела в виду английских монархов Джона Безземельного и Генри Уинчестерского — или, если угодно,

Иоанна I и Генриха III. Так почему бы не последовать принципу единообразия?

Российские учёные, к сожалению, пошли по стопам своих советских наставников. Немало примеров тому можно найти у доктора исторических наук Наталии Ивановны Басовской: «В начале 1405 г. вокруг вновь тяжело заболевшего Карла VI развернулась острейшая борьба за власть. В последнее время наибольшим политическим весом при французском дворе обладал брат короля герцог Людовик Орлеанский. Он столкнулся с растущим влиянием молодого герцога Бургундского Жана Бесстрашного — родственника короля»¹⁶. Вероятно, логичнее звучало бы Шарль, Луи и Жан либо Карл, Людовик и Иоанн — разве нет?

Ещё один пример: «Выступившие на стороне Филиппа VI король Чехии Ян Люксембургский и герцог Лотарингский горячо отговаривали его от битвы, пугая возможным поражением»¹⁷. Чем провинился Ян Люксембургский из Люксембургской династии, младшей ветви Лимбург-Арелов — между прочим, приходившийся родным сыном императору Священной Римской империи Генриху VIII, что не заслужил почётно именованного Иоанн?

Кстати говоря, «рenegатская» компания пиренейских монархов и у Басовской сохранила свой национальный колорит: «Угроза утраты позиций на Пиренейском полуострове заставила Карла V поддерживать претензии на престол Кастилии и Леона соперника Педро I — его сводного брата Энрике Трастамарского»¹⁸. Вот так: француз — Карл, но кастильцы почему-то не Петр и Генрих.

В том же русле движется специалист по истории Франции член-корреспондент РАН Пётр Петрович Черкасов: «Вскоре после окончания неудачной для Франции войны за Испанское наследство, в 1715 г., умер Людовик XIV, процарствовавший 54 года». И тут же: «9 августа королём французов был провозглашён глава либеральной партии, представитель младшей ветви Бурбонов

¹⁴ Штокмар В. В. История Англии в Средние века. — СПб, 2005. С. 89—90.

¹⁵ Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. — М.: изд-во МГУ, 1960. С. 62.

¹⁶ Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против льва. — М., 2003. С. 270.

¹⁷ Там же, с. 183.

¹⁸ Там же, с. 225.

Луи-Филипп, герцог Орлеанский»¹⁹. Оба — французские короли, оба — Луи (простите, Людовики). Так к чему такой очевидный диссонанс?

Не только профессиональные историки с учёными степенями не удосуживались придерживаться общей линии, но и профессиональные переводчики. Вот три цитаты из одной и той же книги. «Несмотря на своё низкое происхождение, победитель при Стерлингском мосту был прославленным главой страны, управляя ею как “страж королевства и вождь армий” именем короля Иоанна, чей племянник, Иоанн Комин Рыжий — сын одного из претендентов на корону, — присоединился к нему»²⁰. Вроде бы всё по канону: и король, и его близкий родственник — Иоанны. Однако не торопитесь с выводами. Далее по тексту следует: «Вскоре после разгрома он либо отказался от своего поста регента, либо был смещён, а его место занял племянник Баллиоля, Джон Комин Рыжий, и молодой граф Каррика, Роберт Брюс»²¹. Поясняю — это тот же самый Рыжий, ни с того ни с сего сменивший имя. И на закуску третий пример: «Но правила первородства, которые были приняты в большинстве западноевропейских королевств, требовали, чтобы трон достался Джону Баллиолю, чей отец был женат на старшей дочери Хантингдона»²². Теперь Джоном оказался не только племянник, но и сам король Иоанн из первого сюжета.

Интересно заметить, что переводчики книги Артура Брайанта не только не придерживались между собой общего стиля, но и не признавали за пиренейскими королевствами никаких исключительных прав: «Когда Карл [Анжуйский] попытался снова её [Сицилию] завоевать, сицилийцы предложили трон Петру III Арагонскому, мужу наследницы своего бывшего правителя, Манфреда»²³. Здесь имеется в виду не кто

Иллюстрация: Wikimedia Commons/PD

Чарлз (Карл) II (англ. Charles II, 1630—1685), король Англии, Шотландии и Ирландии с 1660 года. Портрет работы Джона Райли, 1683 или 1684 год. The Weiss Gallery, Лондон.

иной, как Педро Великий, король Арагона и Валенсии, граф Барселонский.

Переводчик «Столетней войны» авторства Ж. Фавье также весьма непоследователен. Он пишет: «Это были герцог Рюль Лотарингский и граф Фландрский Людовик Неверский. Это были Жан Оксерский, Луи де Сансерр, Жан д'Аркур, Луи Блуаский и многие другие»²⁴. Почему особо выделен граф де Невер, который именуется Людовиком несмотря на то, что он не является близким кровным родственником королей? Может быть, потому что граф? Так и другие были отнюдь не сапожниками: Жан граф д'Осер и де Тоннер, Луи граф де Сансер, Жан граф д'Аркур, Луи граф де Блуа, де Дюнуа и де Фретеваль.

Ничтоже сумняшеся переводчик величает одного претендента на герцогство Бретонское Карлом Блуаским, а другого претендента на то же герцогство, обладавшего не менее убедительными правами, — Жаном де Монфором²⁵. Вот и пойми этих литераторов...

Для чего мне нужен был столь длинный, но при этом далеко не полный перечень несообразностей, нестыковок и неувязок при передаче иностранных королевских имён в русскоязычной научной литерату-

¹⁹ Черкасов П. П. Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI—XX вв. — М., 1983. С. 19, 28.

²⁰ Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. / Пер. с англ. Ковалёва Т. В. и Муравьёва М. Г. — СПб, 2001. С. 160—161.

²¹ Там же, с. 164.

²² Там же, с. 136.

²³ Там же, с. 121—122.

²⁴ Фавье Ж. Столетняя война. / Пер. М. Ю. Некрасова. — СПб, 2009. С. 113.

²⁵ Там же, с. 280, 95.

ре? А всё очень просто. Когда я попытался 15 лет назад поставить под сомнение сам принцип их латинизированной огласовки, то сразу же раздалась возмущённые крики: «Не ломайте систему!» Так вот, всё дело в том, что никакой системы не было и нет, чему свидетельством — приведённые выше примеры. Нельзя ломать то, чего нет, равно как невозможно и защищать что-то несуществующее.

Как совершенно справедливо отмечала ещё десять лет назад Мария Леонидовна Каленчук в бытность свою заместителем директора Института русского языка им. В. В. Виноградова (если «РИА Новости» верно передало её слова), изменения норм русского языка обусловлены внутренними закономерностями. Действительно, международные поездки и прямые контакты с носителями зарубежной культуры давно перестали быть прерогативой узкого круга богачей. И если от наших предков английский король Яков был далёк и посему не вызывал абсолютно никаких вопросов ещё 50 лет назад, то сейчас многие, особенно из числа посетивших Великобританию, начинают понимать, что он всё-таки Джеймс. Так что сотрудникам профильных научных учреждений есть над чем поработать.

Например, им пора бы задуматься: а что случится, когда Чарлз принц Уэльский станет королём Англии²⁶? Как его следует называть — Чарлзом I или Карлом III (поскольку в нашей историографии Чарлзов на британском троне ещё не было)? А если корона достанется его старшему сыну, то кому — Вильгельму V или Уильяму I (по той же логике)? Или мы неловко выкрутимся, как тот же переводчик книги Фавье: «*Первым среди недовольных был Джон Ланкастер, которому наследовал его сын Генри Дерби, будущий Генрих IV*»²⁷. Именно так некоторые прозорливые, но не очень грамотные любители истории заранее пытаются обосновать грядущую коллизию. Они объясняют неопытам, что Генри — это-де обычное имя, а вот Генрих — имя коронационное, то есть то, которое монарх принимает на себя только после церемонии коронации. Ерунда, конечно, но совсем без объяснений обойтись вряд ли удастся.

Любая традиция в первую очередь порождена привычкой, удобством, а вовсе не логикой. Традиция перевода королевских имён не исключение, поскольку самый

распространённый аргумент в её пользу: «так уж повелось». Впрочем, приводятся и более серьёзные обоснования. К примеру, такое: современное представление о национальностях появилось сравнительно недавно, а унификация имён в основном касается времён отдалённых — Древнего мира и Средневековья. Таким образом, получившая широкое распространение латинизированная форма лишь подчёркивает космополитичность высшего дворянства.

Что ж, в принципе такая система имеет не только право на существование, но и некоторые достоинства — не надо кореным образом ломать привычные языковые устои. Беда в другом. Как мы только что выяснили, эта система чисто умозрительная, а в реальной жизни её нет как нет. Вот если её воссоздать заново, если придать ей должную строгость, то тогда хотя бы будет за что ломать копыя. То есть необходимо латинизированные имена присвоить исключительно королям. Все Генри, Анри и Энрике становятся в момент коронации безо всяких исключений Генрихами. Тогда никто не удивится, если Чарлз Филипп Артур Джордж принц Уэльский сменит на троне Англии свою мать Елизавету II под именем Карла III.

Но помимо очевидных достоинств такая система (повторим: на настоящий момент реально не существующая) имеет и свои недостатки. Во-первых, она абсолютно неинформативна и запутанна. До сих пор многим невдомёк, что «жил-был Анри Четвёртый, он славный был король» — это не кто иной, как любвеобильный Генрих Наваррский. Что подлый принц Джон, заклятый враг Робин Гуда (кстати, в оригинале он не Гуд, а Худ — в смысле, не «хороший», а «капюшон»), и злополучный король Ио-

²⁶ Вот уже пару лет по России гуляет информация о том, что королева Элизабет II, которую наш народ в простоте душевной зовёт по-домашнему Елизаветой, решила лишить своего старшего сына Чарлза принца Уэльского права наследования трона. Однако, какие бы чувства ни испытывала королева к своему первородному отпрыску и что бы ни замышляла она в отношении изменения правил престолонаследия, сие не относится к её компетенции. Такой вопрос решать может только парламент Соединённого Королевства, а подобный вопрос перед ним никем не ставился. На официальном сайте королевской фамилии по-прежнему значит, что наследником первой очереди является принц Уэльский.

²⁷ Фавье Ж. Столетняя война / Пер. М. Ю. Некрасова. — СПб, 2009. С. 356.

анн Безземельный — одно и то же лицо, только в разные периоды своей жизни. Система в обязательном порядке требует уточнения — Генрих Английский, Генрих Французский, император Генрих.

Гораздо более логичным представляется другой вариант, при котором огласовка в большей мере передаёт оригинальное произношение имён собственных. Мне кажется, что будущее именно за ним. Пусть английские короли будут Генри, Джонами и Чарлзами, французские — Анри, Жанами и Шарлями, а германские — Генрихами, Иоганнами и Карлами. Помимо обеспечения исторической точности такой шаг поможет читателю лучше ориентироваться в ситуации без громоздких отсылок к национальной принадлежности того или иного персонажа.

Именно этим путём решили, к стати, пойти историки, занимающиеся Пиренеями.

Вот что говорится во вступлении к академической «Истории Испании», изданной в 2012 году Институтом всеобщей истории: «С именами правителей Испании в настоящее время существует двойственная ситуация: с одной стороны, сохраняется латинская традиция (Филипп, а не Фелипе, Изабелла, а не Исабель), с другой — историки уже давно пишут Энрике, а не Генрих, Фернандо, а не Фердинанд. Авторы и редакторы этой книги исходили именно из этого, не пытаясь жёстко провести какой-то определённый принцип»²⁸.

Историки-испанцы не только задекларировали свои намерения, но и воплотили их в жизнь. Поэтому на страницах «Истории» читатель постоянно встречается Альфонсо, Энрике, Хуанов, Фернандо и Педро в Кастилии и Леоне; экзотических Пере в Арагоне; аутентичных Педру, Афонсу и Жуанов в Португалии²⁹. Уже сами по себе эти имена

Иллюстрация: Wikimedia Commons/PD

Уильям (Вильгельм) IV (англ. William IV, 1765—1837), король Соединённого королевства Великобритании и Ирландии, король Ганновера с 1830 года. Портрет кисти британского художника Мартина Арчера Ши. Около 1833 года. Виндзорский замок.

создают тот неповторимый национальный колорит, который увлекает читателя.

Спасение утопающих, как известно, дело рук самих утопающих. Поэтому испанцы не берут на себя труд поучать своих коллег, занимающихся другими странами. В результате в их труде можно встретить такие пассажи: «За неимением прямого наследника на трон могли претендовать трое: Жауме Уржелский, правнук Альфонсо IV, Людовик Анжуйский, внук Жоана I по матери, и Фернандо Антекерский, внук Пере IV тоже по материнской линии»³⁰. То есть, если историкам Франции больше нравится имя Людовик, чем Луи, это сугубо их внутрикорпоративное дело.

Есть, правда, ещё и третий путь — оставить всё, как есть, и не обременять себя лишними проблемами.

²⁸ История Испании. Т. 1. — М., 2012. С. 24—25.

²⁹ Там же, с. 660—678.

³⁰ Там же, с. 341.